

Мартин Граль

Ганновер, Германия

«ЛЮБЯЩИЙ СВОЮ ЖЕНУ  
ЛЮБИТ САМОГО СЕБЯ»:  
ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ СТИХ ИЗ НОВОГО ЗАВЕТА  
В ПЕРСПЕКТИВЕ ФИЛОСОФИИ  
ЭММАНЮЭЛЯ ЛЕВИНАСА

К этому стиху (Еф. 5:28) практически неприменим историко-критический метод толкования, поскольку он вне поля этого метода. Однако в случае толкования этой строфы особенно важно использовать именно историко-критический метод, так как она отражает измененное понятие о человеке/мужчине. Если одни христиане в общем понимают этот стих как то, что женщина должна подчиняться мужчине, то другие считают его устаревшим в эпоху эмансипации и посему не принимают во внимание. Не нужно быть психологом, чтобы знать, что последующее утверждение о том, что никто не ненавидит свое тело, не является универсально верным. Трактовать подобный текст под углом историко-критического метода означает осознавать как историческое, так и сегодняшнее его значение.

Прежде чем задаться вопросом, как полагал «кто-то», я рассмотрю более детально содержание послания апостола Павла к Ефессянам и покажу, как оно взаимосвязано с философией Эмманюэля Левинаса. Павел начинает послание с главы о взаимном подчинении. Последующий текст посвящен таким темам, как разрыв поколений и рабство, а также действительность, а значит, и иерархические структуры его времени. Посему это часть основная, следовательно, мы должны быть заинтересованы в попытках поиска значения текста, превосходящее прямой смысл высказывания о том, что женщина должна подчиняться мужчине, тогда как мужчина должен выказывать свою любовь через власть и любовь, которую он испытывает к самому себе. Павел говорит о важной тайне, которая связана с отношениями Христа и Церкви. Он цитирует книгу Бытия, согласно которой мужчина и женщина становятся «одна плоть» (2:24).

Христос любит свою Церковь. В этом контексте мы говорим о церкви не как об облеченной духовной властью пастве с конкретными набожными прихожанами, а как о чем-то более общем, как тело Христово (*“corpus Christi”*), которое вмещает в себя различные народы и поколения.

Так что же главное в тексте?

Именно этот вопрос должен рассматриваться при сравнении либо поиске параллелей между структурами мужчина/женщина, Христос/Церковь. В моем понимании значение текста сильно сужается, если считать его только одной из основ моральной теологии, которая наказывает мужьям любить и почитать своих жен, как Христос любит их, которая наказывает женам подчиняться и воздерживаться от бытовых решений. В тех трех главах, где Павел говорит о власти и подчинении/субординации, основная тема — это действительно порядков, или со-

---

Перевод с английского Лины Фербер.

циологическая, как ее назвали бы сегодня. Это напрямую подводит нас к философии Эмманюэля Левинаса.

Левинасу нельзя приписать «открытие» сего диалога — ему следовали православный Павел Флоренский (1882—1937)<sup>1</sup>, протестант Ойген Розеншток-Хюсси (1888—1973), ставший баптистом еврей, и его еврейский друг Франц Розенцвейг (1886—1929), как и многие другие. Правильнее сказать, что на самом деле речь идет не об «открытии», а, скорее, о перемене, сдвиге в примере как реакции на идеализм и платоническую философию, которая в большой степени повлияла на понимание Библии. Непростительная ошибка — подчинять Библию одной точке зрения и изменять и облекать литургическую догму в логический шаблон, представляя его «объективной» правдой. И по моему мнению, огромное достижение Левинаса состоит в том, что он противопоставил такому диалогу со всеми следствиями философии. Посему любовь (библейское описание Господа) — определяющая тема для Левинаса. Она — центральная во всей его философии, это общепризнано. Я могу узнать себя в Другом, и только через Другого я могу быть тем, кто я есть.

Понимание этого высказывания апостола Павла где-то в глубине нашего сознания под влиянием философии Левинаса меняется, становясь менее эгоистичным: только через любовь Другого я могу действительно полюбить себя. Заповеди Торы, соответствующие этому: «...люби Господа, Бога твоего» (Втор. 6:5) и «ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18), — это больше, чем поиск параллелей, в которых эгоизм является мерой любви к соседу и даже любви к Господу. Заповедь также не оправдывает право быть эгоистичным — ни ради любви соседа, ни даже ради любви Господа. В Евангелии от Луки (10:27) стих о любви к ближнему (Лев. 19:18) цитируется перед объяснением Иисусом заповеди любви посредством притчи о добром самарянине: ты не должен мстить, но возлюбить ближнего, как самого себя.

Мстить означает бороться в ответ. Мечь не только ограничена в Торе (око за око, зуб за зуб), но и связана с заповедью любви к Другому с уточнением: «как самого себя». Этот стих означает и любовь к своему врагу. И это отличается от эгоизма по своей сути. В качестве примера здесь можно привести то, что использует Иисус: самарянин заботится о чужестранце, как о своей плоти и крови (Лк. 10).

С точки зрения жертвы любовь к соседу равносильна благодарности.

Может ли это быть отнесено к самому Богу и имени Бога?

Евангелист Иоанн трактует имя Господа как любовь (1 Иоан. 4:8). Править означает служить друг другу (Мф. 20:24—28). По Иисусу, Бог как Мессия омывает ноги своих последователей. Но они должны отряхнуть прах со своих ног перед теми, кому не дается или не слышится Слово Божие. Постольку, поскольку, как я понимаю христианство, Слово Божие, по Иоанну, может быть лишь толкованием Торы для всех народов. Книга Левит (19:18) заключает: «Я Господь». И значение тетраграммы не иное, как «Господь» — именно в личном отношении к Богу.

«...Люби Господа, Бога твоего» (Втор. 6:5) и «ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18). Значение слова «как» или ивритского предлога «к» в Лев. 19:18 особенно интересно для анализа. Любовь к Богу и к ближнему соответствует любви к себе, и все же не идентична ей. На этом этапе мы вступаем в сферу философии, так как идентификация — это ключ к платонизму и идеализму. Для них идентификация с Богом — это то же самое, что нахождение себя, так как Я — это (отделенная) часть Единого Существа. Уравнивая Бога с творением

или глубинное с Богом, некоторые толкователи мистицизма и пантеизма разнятся в отношении «к» в Лев. 19:18.

Соответствие, по словам Левинаса, — это столкновение с Другим, которое пересекается с бесконечностью Другого. Любовь к Другому не может быть уравновешена любовью к себе, так как это не один и тот же вид любви. Есть два разных пути любви или неприязни кого-либо к самому себе. Любить самого себя может означать эгоизм или любовь к себе в манере, которая включает в себя Другого, и это тот вид любви, о котором говорит Павел.

И я люблю Другого, потому что уважаю себя. Павел Флоренский использует здесь слово «дружба». Это больше, чем «любить то, как я люблю тебя». Только через самоотречение кто-либо может найти себя, принимая природу Я, существующего в Другом, так как мы оба образы одного Бога, который есть любовь. Встреча с Другим наиболее экстремально проявляется в любви к своему врагу. Это также может быть понято как христианское значение распятия, что является ничем иным, как чистой любовью, а самопожертвование — не долг или орудие, но дар<sup>2</sup>. Такое описание любви подразумевает бесконечность также потому, что в любви нет никаких ограничений по расчету.

Иной род любви к самому себе — эгоизм — использует Другого в своих целях. Она не может существовать, ибо Другой не желает ее принять, и потому такая любовь саморазрушительна. Любовь без партнера теряет свою главную цель. Люди без любви теряют свою суть, что есть любовь как образ Бога. Это на самом деле парадокс, но эгоизм понимает любовь как самопожертвование вместо посвящения, которое может постичь самое себя. Павел писал: Мессия любит свой храм как свою «плоть». Это не смешивает его и храм, Бога и человечество. Просто как мужчина и женщина становятся «одна плоть», потому что остаются разными. Можно было бы использовать христологическую формулу вселенского собора в Халкидоне (451 г.), с тем чтобы проиллюстрировать различие без смешивания, но разделенное, разьединенное и всегда меняющееся. Мужчина и женщина — это «одна плоть» не онтологически, а с точки зрения с глазу на глаз с Другим. Я считаю для себя сложным понять экуменические решения Старой Церкви о Святой Троице, христологии и образах в онтологическом смысле. Здесь основополагающий критицизм Левинаса должен быть воспринят серьезно. Для описания любви должна быть использована другая система. Так как Бог есть любовь, мне кажется, что имеет смысл заново подумать над некоторыми центральными теологическими проблемами прошедших веков. Существует широкое течение протестантской теологии, строго следующее модели идеализма, которое подверглось критике Левинаса.

Так что же это говорит о понятиях, относящихся к власти и порядку?

Главный акцент утверждения апостола — это не подтверждение базовой структуры иерархии человечества. Структура власти между полами — сила традиции, племени и иерархии экономических и политических отношений — разрушена Павлом во всех трех сферах. Однако он не заменяет принятые структуры, но преобразует их через любовь. Таким образом, он обезоруживает их, будто пища, подвергаемая медленной закваске. Рабам надобно следовать за хозяевами, словно следуя за Господом через Мессию. Но Павел напоминает хозяевам рабов о том, что и у них есть хозяин — никто иной, как сам Господь Бог.

Эти идеи абсолютно соответствуют Торе, где память о собственном рабстве народа Израиля в Египте — фундамент заповедей. Власть подчиняется ответственности.

Павел говорит детям об уважении к своим родителям и напоминает об обете, связанном с заповедью. Таким образом, он обращается к будущему. Тем не менее отцы, наделенные ответственностью за взращивание детей, обязаны дать Слову Божию руководить собой. Любовь — снова предел и мера повеления.

В этой части также весьма своевременно мыслить историко-критическим образом. Поколения и семьи играли гораздо большую роль в обществе. Иерархия тех времен происходит из онтологии. Рабы и женщины принадлежали к иной категории, чем свободные мужи. Если греческая философия соответствует этому, то библейское мышление — нет.

Поэтому Павел не принимает существующую иерархию полов. Однако он и не изменяет смысл силовых отношений. Когда предыдущие сословия отвоевывали себе новое место в обществе во всех европейских революциях, Павел уже предпринимал попытки переопределить роли мужчин и женщин. Закон брака — это закон любви, и любовь может процветать в особых формах. Понятие любви приближается к вере и любви к Богу, не будучи создано по тому же подобию. Женщина подчиняется мужчине, который служит ей, «повинуясь друг другу в страхе Божиим» (Еф. 5:21). И это должно быть сегодняшней основой для обсуждения отношений между полами. Иисус определил это четко — сильнейший тот, кто служит больше.

Книга Бытия приводит к такому выводу, утверждая: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Они «одна плоть» — оставляющие своих родителей и прилепляющиеся друг к другу. Основа каждого завета и повеления — ответственность, базовая характеристика в философии Левинаса.

Мистерия любви и необходимость в ответственности занимают центральную позицию. Сегодня пара говорит те же слова, давая клятву при обряде в церкви, однако церковь долгое время шла к тому, чтобы осознать слова Павла о «повиновении друг другу в страхе Божиим». Мы становимся теми, кто мы есть, являясь и родителями, и детьми, также через наше поведение в обществе. Я захожу настолько далеко, что утверждаю, что невозможно найти демократию, которая необходима для построения нашего будущего, соотносимую с онтологической философией Гегелем. Мы нуждаемся в мировом порядке, свободном от диктата и онтологически обусловленных иерархий и построенном на принципах ответственности. Революция мышления, происходящая из иудео-христианского источника, которая прослеживается в трудах О. Розенштока-Хюсси, Э. Левинаса и др., не может быть переоценена. Это не только новое переосмысление древнего богословия, но и реакция на безграничное развитие технологий и глобализацию. Если мы не разовьем достойную культуру ответственности, мы потеряем себя.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> П. Флоренский писал об этом в своей книге «Столп и утверждение истины» (М., 1914), в письме 11-м. Но в отличие от О. Розенштока-Хюсси и Ф. Розенцвейга, его идеи были связаны с опасной теорией о Софии, которая в конце концов привела его к особой антисемитской позиции (см.: *Ullmann W. Heidentum im Christentum // Materialien zu Pavel Florenskij / Ed. M. Hagemester, T. Metelka. Berlin, 2001. S. 116—141*).

<sup>2</sup> О решающем различии в отношении П. Флоренского в целом: крест как разоблачение неэффективности всех самопожертвований см.: *Ullmann W. Op. cit. S. 123*.